

Возраст женщины зачастую не в ладах с арифметикой. Споря с природой, ее годы под стать «женской логике», где силлогизмы строятся по принципу: я так хочу, — следовательно, так оно и есть. И действительно, какая женщина признается, что ей больше 30, даже если ей далеко за...

ступила в эстрадно-цирковое училище, они это восприняли как мой очередной фокус. Папа ведь мечтал видеть дочь в белом халате врача, воспитательницы детского сада или хотя бы повара. Но я «не удалась». Правда, сейчас он всем показывает мою фотографию и на вопрос, хотел ли он, чтобы я стала актрисой, отвечает: «Раньше был против, но теперь — не возражаю!»

все замуж идут, и ты пойдешь». Представляете, спустя время я вправду «пошла замуж». Мария Исааковна — это Элеонора Петровна, героиня моих монологов.

— **Вы так иронично говорите о женском интеллекте...**

— Да нет, я не иронизирую. Одна из моих героинь заметила: какой же надо быть умной, чтобы казаться душой, какой же надо быть

трусиках, лифчике да с курицей в руках, из-за которой и пошла в магазин. И — при шляпе: элегантная канашка, как сказала бы моя Мария Исааковна. Так вот, когда домашние открыли дверь, никто не поверил, что на меня напали грабители: решили, что разыгрываю.

— **А вы сами-то как себя чувствовали?**

— У меня на все ситуации есть правило: у женщины рабочее состояние — быть в порядке, даже если не все в порядке...

— **По-моему, это вам прекрасно удастся: вы всегда эле-**

КЛАРА НОВИКОВА: ВОЗРАСТ ЖЕНЩИНЫ — ЭТО ТАКАЯ БЕСТАКТНОСТЬ!

— Без вас, героинь ваших монологов невозможно представить нынешнюю эстраду. Такие разные и такие узнаваемые женщины! Скажите, это сценические маски, порой нелепые, несуразные и смешные, которые вы не боитесь примерять, поскольку в жизни сами очень привлекательны, или же в них есть все же что-то от вас?

— Конечно, это перевоплощение, мои персонажи — сценические маски, которые я действительно примеряю к себе. Но все они слеплены из реальных, конкретных черт женщин, которых я знаю: капризных, непредсказуемых, немного авантюрных, но — непременно обаятельных, наивных и

душой, чтобы хотеть казаться умной. Женщина в зависимости от обстоятельств способна «регулировать» уровень своего интеллекта...

— **Почти по Ницше, который считал, что интеллект женщины характеризуется полнейшим самообладанием, присутствием духа, использованием выгод...**

— А как же иначе выживешь среди этих мужчин?! С годами я поняла, что женский интеллект — это драгоценный бриллиант, который нужно надевать в особо торжественных случаях. Природа заложила в нас хитрость. Вот мы и хитрим, кокетничаем, потому что нам надо добиться хорошей работы, определенного положения, в конце концов, соблазнить мужчину, вычислив в нем потенциального мужа, и тут только начинаем думать: а что будет после ночи, о чем с ним говорить утром, днем?..

— **Как вы думаете, сколько лет было Еве, когда она соблазнила Адама?**

— Может быть, это была зрелая женщина: зеленым, кислым яблоком соблазнить мужчину...

— **Может, Адам был голоден?**

— Тогда не с тех ли самых пор пошла поговорка, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок?

— **Видимо, у вас «зрелая женщина» — синоним женщины бальзаковского возраста. С тех пор, как Бальзак показал нам ее, прошло много времени и многое изменилось в ней. Какой вам она представляется сегодня?**

— В самом этом понятии есть какое-то кокетство, интрига. Эта женщина совершенно неинфантильна, все умеет, и не исключено, что многого достигла. Это самое пиковое состояние женщины, это спелое лето. Она может родить ребенка, воспитать его. Впрочем, она может быть и молодой бабушкой. Вообще, сегодня годы и время бережны к женскому возрасту. Посмотрите, разве мало женщин, которые выглядят моложе своих взрослых дочерей, а то и внучек! Мы научились не только выглядеть, но и быть моложе: вопреки и невзирая... Хотя откровенно сказать, когда мне говорят, что такая-то женщина бальзаковского возраста, я ужасно раздражаюсь. Порой после концертов ко мне подходят зрители: «Ой, я по-омню, когда вы еще бы-ли ма-оденькая начинающая артистка». Господи, да я и сейчас — молоденькая начинающая артистка, так о чем вспоминать? Нет, что ни говорите, но возраст — это бестактность. Мне не нравится, когда считают мои годы, словно кто-то пытается отнять право на те безрассудства, на которые я и сейчас способна.

— **Клара, по-моему, вы самая «прикольная» жена, мама, бабушка, теща. Как вас воспринимают домашние?**

— В том-то и дело, что я — «жертва» своей «прикольной» профессии. Меня всерьез семья не воспринимает. Как-то двое бандитов, ворвавшись в кабину лифта, ограбили меня. Осталась я в одних

ганты, всегда «при шляпе»... Как вы думаете, элегантность, вкус, умение одеваться — качества в основе врожденные или приходят с годами? И уж коль скоро мы считали Бальзака, так ведь он считал, что только с возрастом женщине удастся сделать свой облик утонченным. Так ли?

— Мне кажется, что элегантность действительно к женщине приходит с годами. Молоденькая девушка может быть модной, экстравагантной, но элегантность — привилегия зрелой женщины. Но есть один нюанс: в любом возрасте нам хочется быть замеченными. Незамеченной женщине обидно жить. Женщина, видимо, и была создана для того, чтобы любить и быть любимой. Собственно, она затем и одевается, чтобы нашелся тот, кто сумеет красиво ее раздеть. Так что вкус, стремление к элегантности заложены природой в каждой из нас, но — оттачиваются с возрастом. Потому-то элегантная женщина разборчива, потому-то ей трудно сделать подарок. Мне сегодня было бы обидно получить лишь бы какой подарок, я перестала понимать, как это — «дорог не подарок, дорого внимание». Хотелось бы, чтобы мужчина, который осмелился мне преподнести подарок, знал, что мне нравится, что я люблю. Во всяком случае, тогда я захочу вырваться с ним куда-нибудь. Захочу его вкусно накормить, чтобы он почувствовал уют, тепло в доме, чтобы он понял, что только я могу это сделать для него.

— **Вы влюбчивы?**

— А как же! Ну какая женщина не влюбчива, не нуждается в поклонниках? Это ее нормальное состояние! Потому что — есть флирт, тайна. Жить интересно: сразу глаза блестят, тает на безумства, хочется надеть что-нибудь эдакое! Правда, не все поклонники бывают тебе интересны, не на каждое ухаживание хочется отвечать...

— **Как вы считаете, в чем разница между любовью зрелой женщины и молоденькой девушки?**

— Я об этом часто задумываюсь, пытаюсь понять. Наверное, женщине любовь дается как последний манок ее жизни...

— **Вы могли бы изменить мужу?**

— Господи, да я могла бы все! Если бы я встретила мужчину, в которого влюбилась до беспамятства, то нарушила бы все господние заповеди. Я — женщина, грешница. Может, потом бы каялась, страдала...

— **Сейчас иной мужчина прочитает наши откровения и подумает: ну кто придумал эту эмансипацию?..**

— Как-то один из них сказал, что эмансипировать женщину — значит, развратить ее. Ну что же, по сравнению с библейскими заповедями о женщине я, конечно, эмансипированная или даже «развращенная» дама. Потому что, как и любая другая женщина, я не задаюсь вопросом — почему? — я просто живу...

Невысокая, изящная, она никак не похожа на героинь своих монологов — Элеонору Петровну и уж тем более тетю Соню. Узнаваемы жесты, голос. Когда она говорит, у нее чуть заметно вздергивается носик. И глядя, как она небрежно-элегантно кутается в шубку, мне вспоминается Сальватор Дали: «У элегантных женщин носов не бывает»...

— **Где был этот Дали, когда как раз из-за носа меня не приняли в Киевский театральный институт, объяснив, что «такой нос трудно гримировать»? И где у меня увидели нос? У меня же — носик, ручки, ножки!..**

— Тем не менее сегодня вы — на сцене. Но скажите, каким образом девочка из серьезной, уважаемой семьи «докатилась» до жизни такой?

— Да потому, что семья, как вы говорите, «была уважаемая»: папа — директор универсама, мама — упаковщица на кондитерской фабрике. А я — «чума»: «вождь краснокотиков» с его невинными проделками мне в подметки не годился. И если на Красноармейской улице в Киеве, где жила наша семья, что-то случалось, соседи безошибочно указывали на «эту артистку с погорелого театра», как они меня звали. Родители не знали, как меня утихомирить. Поэтому, когда я по-

одновременно хитреньких, с не поддающимся никакой логике женским интеллектом. Они, как и я, — все из одной жизни, поэтому и узнаваемы. Приехав в Москву, я одно время жила в квартире, где хозяйкой была Мария Исааковна — колоритнейшая женщина. По утрам она скептически шурилась в зеркало и выносила себе «приговор»: «Да, хогоша, канашка, хогоша. Подпогодок на гудии, пузо на коленях — навежное, тахикардия». Меня же по вечерам гнала в гости, поискать любовников, «чтобы было о чем в стагоисти вспомнить». То, что тогда я была замужем за Виктором Новиковым, она забывала, своеобразно «регулируя» память: «От меня

19.02.99.

Новикова Клара